

Из-за регулярного заседания кафедры по обсуждению диссертаций Цзян Чжаосюэ на следующий день не стала валяться в постели и встала ровно в семь утра.

Квартира, в которой они жили вместе с Цэнь Лубай, была одним из ее личных владений, где она постоянно проживала, когда не находилась в усадьбе Цэнь на горе Бэйшань. Апартаменты отличались простором, а главная и гостевая спальни были полноценными сюитами с собственными ванными, гардеробными и гостиными. Поэтому в будние дни, не считая кабинета, которым приходилось пользоваться совместно, они почти не пересекались, сохраняя независимый образ жизни.

Закончив утренние процедуры и нанеся легкий макияж, Цзян Чжаосюэ вышла из спальни. В квартире по-прежнему царила тишина. В гостиной на диване Цэнь Лубай уже не было.

Цзян Чжаосюэ машинально взглянула на дверь главной спальни: она, как обычно, была плотно закрыта, и было непонятно, находится ли кто-то внутри.

На журнальном столике, рядом с вазой, в которой сменили цветы, лежала аккуратная белая записка.

Цзян Чжаосюэ подняла ее и прочла: Спасибо за прошлый вечер, доставила тебе неудобства. Завтрак я попросила тетюшку Чэнь привезти, он на кухне. Если придется по вкусу, не стесняйся.

Почерк, в отличие от утонченной внешности Цэнь Лубай, был размашистым и энергичным, полным силы.

Цзян Чжаосюэ предположила, что та, должно быть, проснулась рано, вернулась в свою комнату доспать, но, опасаясь несовпадения графиков и нежелательной встречи, оставила записку.

Такое случалось уже пару раз.

Пока Цзян Чжаосюэ жила у Цэнь Лубай, она чаще всего обедала в студенческой столовой. Хотя в самом начале их брака Цэнь Лубай предлагала, чтобы тетюшка Чэнь постоянно жила у них и занималась питанием Цзян Чжаосюэ, та, понимая, что их семья не настоящая, чувствовала себя неловко. Она настояла на том, чтобы все оставалось как есть, и если возникала необходимость, просила секретаря передать тетюшке приготовить еду и привезти или прийти лично.

Цэнь Лубай уступила. Однако в другом вопросе, обеспечивающем удобство, она проявила настойчивость, не желая отступать: она предоставила Цзян Чжаосюэ личного водителя. Цэнь Лубай считала, что раз уж необходимость жить вместе продиктована их игрой, а до университета далеко, то бремя расстояния должна нести она.

Цзян Чжаосюэ пыталась возразить, что общественный транспорт между двумя точками ходит отлично, но у Цэнь Лубай был железный аргумент: это роняет достоинство семьи Цэнь.

Цзян Чжаосюэ, придавленная этим денежным достоинством, была вынуждена согласиться.

Как и в прошлые разы, она ответила на записку благодарностью, а затем вежливо отказалась от еды. Хозяйка дома еще не притронулась к трапезе, а есть то, что оставила Цэнь Лубай, было невежливо. Она не считала их отношения настолько близкими, чтобы позволить себе подобную фамильярность. Но, вспомнив ту капельку мягкости и нежности, что промелькнула в Цэнь Лубай вчера вечером, и ту жалобу, что сорвалась с ее губ, Цзян Чжаосюэ сегодня на мгновение замешкалась.

Дописав, она несколько секунд колебалась, прежде чем закрыть колпачок ручки и выйти из дома.

Водитель уже давно с ней свyksя и, согласно расписанию занятий, ждал в гараже.

Цзян Чжаосюэ поздоровалась с ним, села в машину и попросила не приезжать за ней в университет днем, как обычно.

Цэнь Яо сказала, что нужно обсудить дело, и пригласила ее на обед, попросив при этом ничего не говорить Цэнь Лубай. Все это выглядело таинственно, но Цзян Чжаосюэ согласилась.

В одиннадцать сорок, ровно в назначенное время, Цэнь Яо припарковала машину у ворот исторического факультета университета Бэйчэна.

Стоило ей подойти ближе к золотой вывеске у входа, как Цзян Чжаосюэ окликнул какой-то парень.

Высокий, в худи, с баскетбольным мячом в руках — он выглядел свежо и по-юношески. Цзян Чжаосюэ в белом свитере с высоким горлом и даффлките, с каштановыми локонами, на которых играло солнце, выглядела одухотворенно и нежно. Стоя рядом, они смотрелись как пара из молодежной драмы.

Цэнь Яо невольно остановилась.

Она не слышала, что сказал парень, но видела, как он протянул Цзян Чжаосюэ телефон. Та не взяла его. Она лишь подняла руку, показав кольцо, и парень с досадой отступил на несколько шагов.

Цэнь Яо даже не нужно было гадать — конечно же, он просил номер телефона. Хотя они с Цзян Чжаосюэ обедали вместе не так часто, она уже несколько раз становилась свидетельницей того, как к той приставали с знакомствами.

Она мысленно посочувствовала своей сестре и восхитилась ее дальновидностью. Увидев, что парень ушел, Цэнь Яо подошла и пошутила: — Сестренка, а мне номер не дашь?

Цзян Чжаосюэ, заметив ее, улыбнулась: — В следующий раз обязательно дам.

Цэнь Яо просияла: — Вот это другое дело, я как раз люблю молоденьких красавчиков.

— Ну, младшие сестренки тоже подойдут, — сказала она так уверенно, будто это была чистая правда.

Она была похожа на Цэнь Лубай лишь на треть, но характер имела совершенно иной: открытый, горячий, остроумный и разговорчивый. Она могла поддержать любую тему.

Цзян Чжаосюэ рассмеялась.

Будучи человеком застенчивым, она спросила: — Проголодалась?

Цэнь Яо естественно подхватила ее под руку и кивнула: — Есть немного. — Она предложила: — Коллеги сказали, на задней улице открылся новый тайский ресторан, попробуем?

Цзян Чжаосюэ была не против.

Они пошли пешком, болтая на ходу.

Задняя улица находилась недалеко от студенческого квартала. Время занятий уже закончилось, в ресторанах было полно народу, поэтому заказы готовили неспешно. К счастью, ни Цзян Чжаосюэ, ни Цэнь Яо никуда не спешили, и за разговорами ожидание не показалось утомительным.

В какой-то момент Цзян Чжаосюэ вспомнила и спросила: — Ты говорила, что есть дело. Что за дело?

Цэнь Яо будто только сейчас вспомнила, воскликнула: — О! Точно. Понимаешь, невестка, у тебя найдется два дня свободного времени? Можешь оказать сестре услугу?

— М?

Цэнь Яо начала объяснять: — После того как самолет отца и дяди потерпел крушение, у семьи Цэнь появилась традиция — каждый Новый год отправляться на гору Цинфэн в соседнем городе, чтобы возжечь благовония и помолиться. В прошлые годы, пока дедушка был здоров, он ездил сам. Но в последние годы здоровье подвело, а мама с братом постоянно живут в

стране С, поэтому это поручение перешло к тете. Но в этом году у двоюродной сестры скоро роды, тетя не может уехать, вот дедушка и предложил, чтобы кто-то из нашего дома поехал.

Цзян Чжаосюэ слегка кивнула, показывая, что слушает.

Цэнь Яо продолжила: — Но сестра когда-то повредила поясницу и ноги. Вроде бы все прошло, но на самом деле она до сих пор чувствует холод. Гора высокая, условия для проживания там похуже, чем дома, дедушка беспокоится, что она не выдержит, и хотел, чтобы она поехала для проформы.

— Сестра нашла повод отказаться, сказав, что одного человека будет достаточно. Я знаю, она считает это формализмом, но дедушка на такое очень падок. Видно, что он остался недоволен.

— На самом деле... — она замялась.

Цзян Чжаосюэ, будучи чуткой, подхватила: — В чем дело?

Цэнь Яо ответила уклончиво: — Последние два-три года дедушка неважно себя чувствует, а отношения у сестры с Цэнь Тином накалились. Дедушка мечется в сомнениях...

Сказано было туманно, но Цзян Чжаосюэ все поняла.

Корпорация Бай-На была создана дедушкой Цэнь Лубай, Цэнь Хаоши, с нуля. Семья была не очень большой: у него было лишь два сына — отец Цэнь Лубай, Цэнь Гуаньшань, и дядя, Цэнь Гуаньлан. Десять с лишним лет назад, когда их частный самолет разбился, наследование семейного бизнеса легло на плечи третьего поколения.

Брат Цэнь Лубай, Цэнь Цянь, по неизвестной причине, казалось, уже выбыл из игры. Цэнь Тин был двоюродным братом Цэнь Лубай, он был на два года старше ее и сейчас управлял другим ключевым активом корпорации Бай-На — недвижимостью. Все видели, что Цэнь Хаоши устроил состязание между внуками, готовясь выбрать одного из двух.

Полтора года назад, когда Цэнь Лубай впервые предложила ей выйти замуж, на вопрос Цзян Чжаосюэ о том, что ей от этого будет, Цэнь Лубай вскользь приоткрыла завесу над скрытыми течениями семьи Цэнь.

Она сказала, что ей нужен брак с женщиной, чтобы успокоить дедушку, убедить его, что она не выйдет замуж на сторону, и что корпорация Бай-На навсегда останется под фамилией Цэнь и не попадет в руки чужаков.

Счастье всей жизни стало разменной монетой в этой бескровной войне семьи Цэнь.

У Цзян Чжаосюэ не было других религиозных пристрастий, и в ближайшее время в университете не намечалось ничего срочного, так что выкроить немного времени было несложно.

Понимая, что может хоть немного помочь, она спросила Цэнь Яо: — На сколько дней?

Цэнь Яо просияла: — Знала, что невестка самая лучшая!

Она пододвинула все заказанные блюда поближе к Цзян Чжаосюэ и с улыбкой сказала: — Всего на два дня. 31-го поедem, переночуем там, попостимся, а первого вечером уже вернемся.

— Хорошо, — согласилась Цзян Чжаосюэ. — А что насчет сестры...

Цэнь Яо не дождалась вопроса и заверила: — Не переживай, сестра не узнает. Она сегодня улетела в командировку, вернется еще нескоро.

Цзян Чжаосюэ успокоилась и улыбнулась: — Хорошо.

Хотя она уже вместе с Цэнь Лубай сплела одну ложь, по своей натуре она не любила и не умела лгать.

Вернувшись домой после обеда, она застала квартиру в том же виде, в каком оставила, только на месте записки у вазы лежала новая: Улетела в командировку, извини за неудобства.

Цэнь Лубай действительно снова уехала.

Цзян Чжаосюэ взяла записку, улыбнулась, спрятала ее в шкатулку в гостиной и вернулась в кабинет продолжать работу с документами.

Два дня спустя, 31-го числа, Цэнь Яо на машине выехала по скоростной трассе к горе Цинфэн.

Машина доехала до самого подножия, дальше ехать было нельзя. Цэнь Яо оставила водителя искать ночлег, наказав ждать их завтра вечером, а сама вместе с Цзян Чжаосюэ села на канатную дорогу.

Гора Цинфэн была известна на всю страну своими буддийскими храмами, там всегда было много паломников и туристов. Поскольку семья Цэнь годами делала крупные пожертвования, в храме заранее узнали об их приезде, зарезервировали две кельи и прислали человека для встречи.

Пройдя регистрацию, возжегши благовония и сделав подношение, Цзян Чжаосюэ и Цэнь Яо,

следуя правилам, сдали телефоны. Оставив вещи в кельях и немного отдохнув, они вместе с другими послушниками отправились в трапезную, а после — в зал для медитаций.

Цзян Чжаосюэ была спокойна, и два часа сидения в позе лотоса не показались ей мучением. В восемь тридцать, когда медитация закончилась, она поднялась и почувствовала, что поясница и ноги онемели.

Поскольку в девять часов гасили свет, а умыться можно было только в общей уборной снаружи, Цэнь Яо, не желая стоять в очереди, потянула Цзян Чжаосюэ обратно в келью, ускоряя шаг.

Ночь в горах была тихой. Кельи располагались в дальнем углу за храмом, в самом уединенном месте. По пути слышны были лишь их шаги и шорох снега, падающего на ветви.

— Холодно, — Цэнь Яо потерла руки, входя во дворик кельи, и недовольно проворчала.

Цзян Чжаосюэ улыбнулась и уже хотела что-то ответить, как вдруг, подняв голову, увидела женщину, стоящую у дерева красной сливы, которое как раз расцвело в их дворике.

Женщина смотрела вверх на цветущее дерево. Ее профиль был спокоен, словно она только что приехала из какого-то делового центра. На ней было лишь длинное белое пуховое пальто, из-под которого виднелся черный шелковый костюм, который она не успела сменить — изысканный и холодный.

Похоже, она услышала шаги, повернулась и посмотрела на них.

Лунный свет, словно вода, струился по ее ясным, темным глазам.

В лунном свете и среди снегов она слегка улыбнулась, и Цзян Чжаосюэ увидела третье, самое прекрасное зрелище на свете.

<http://bllate.org/book/18697/1807079>